

(1950 – 2012)

Михаил Всеволодович Анищенко родился в 1950 году в Куйбышеве. Работал фрезеровщиком, слесарем, сантехником, сторожем, журналистом. Окончил Литературный институт имени А.М. Горького. Первая книга стихов «Что за горами» вышла в 1979 году. Затем появились «Не ровен час» (1989), «Ласточкино поле» (1990), «Оберег» (2008) и другие. Печатал стихи в журнале «НС» (1999, №9; 2000, №5, 12). Лауреат Всесоюзной премии им. Николая Островского (1980), премия журнала «НС» (2000), по данным «Биографии.ру».

По мнению председателя правления Самарского областного отделения Союза писателей России Александра Громова, уход Михаила Анищенко из жизни – большая потеря для русской литературы, «масштаб которой мы ещё не осознали».

Евгений Евтушенко дал высокую оценку творчеству самарского поэта Михаила Анищенко, сказав, что «его стихи – лучшее, что появилось в русской поэзии за последние тридцать лет».

РЕКА, ЛОДКА, ДОМ И ЖЕНЩИНА

Неоконченная поэма

Часть 1

ДОМ И РЕКА

1.

Мы жили, прошлое верша,
Тая судьбу в душе.
Я был – плетёная верша,
Ты – рыба в той верше.

Вокруг мерцала водополь.
Как столб, стоял покой.
Мы пополам делили боль
И с небом, и с рекой.

Я в стане чёрных немереч
Был кровником лешне;
Я понимал тайгу, как речь,
Звучащую во сне.

Я не болел тогда, не чах,
Ловил в петлю гусей
И нёс, как горы на плечах,
Оленей и лосей.

Я к моху гнулся во лузах,
Был с дебрями на «ты»,
И приходил к тебе в груздях,
Огромных, как мечты.

Ты принимала мрак и гром
Без слёз и без доук,
И я, как тень, сидел потом
У ног твоих и рук.

И тишь ложилась, как плита,
Как травы под пятой;
И жизнь была, и лепота
Была у нас с тобой.

И боли не было в башке,
И я не стал бы пить,
Когда б не вздумалось реке
Со мной заговорить.

2.

А ты была во всём права –
В лесу и на лугу,
Когда мы жили одна,
На красном берегу.

Среди вселенской темноты,
Полярным льдом горя,
Река звала меня на «ты»,
Как бога и царя.

Она меня манила льдом,
Крошила в дробь шугу
И ненавидела наш дом
На красном берегу.

А дом, высокий, словно сны,
Мог прошлое беречь;
В нём стены были сложены
Из чёрных немереч.

В нём был всегда не ровен час.
В нём ты любила петь.
А я на дне долины пас
И жизнь свою, и смерть.

Я в той долине мёрз и мок,
Как каторжник святой.
Мне и не снился эпилог,
Придуманный тобой.

Я мог упасть с разбитым лбом,
Подставиться врагу...
Но у меня был синий дом
На красном берегу.

Тот дом любим был и желан,
В стекле и в серебре.
А в доме ты со мной жила,
Как муха в янтаре.

Нас снег закапывал зимой,
И я был, словно тать.
Но ты любила сумрак мой
По рюмкам разливать.

До дна, до донца – ого-го,
Темней, ещё темней!
Ты не пьянела от него,
Но делалась моей.

Твоя рука – моя рука,
И лёд плывёт в огне.
И ненавидела река
Тебя тогда вдвойне.

Кричал на крыше козодой,
Скрывала дрожь Ташла.
Ты выходила за водой,
Как будто к плахе шла.

Тебе казалось, хоть ты вой,
Что я всё чаще лгу,
Что дом давно уже не твой
На красном берегу.

3.

В избе кричала ребятня,
Сушились их портки.
И ты глядела на меня,
Как щука из реки.

Прошла проклятая зима.
Не пожелать врагу.
Ты не сошла ещё с ума
На красном берегу.

Мы жили смерти вопреки,
Смотревшей из-под век.
И ночь не пили из реки,
А днём топили снег.

Мы жили где-то за чертой,
В неведомом кругу.
Творилось в доме чёрт-те что,
На красном берегу.

Святые падали со стен,
Кричал за знаком знак.
А за горою рак свистел,
Вобрав в себя весь мрак.

Река стегала буераш,
Куражилась нагой
И подмывала берег наш,
Не трогая другой.

Кричал петух и пёс брехал,
Молился дровосек.
Река дышала, как река,
Где тонет человек.

Река – напрасная напасть –
Катила вниз фольгу.
И я не пил, не ел, не спал
На красном берегу.

Я на мостках стоял, скорбя,
Не веря в комильфо.
Река стонала и себя
Ласкала, как Сафо.

Я видел плоть её, уста,
Потёмки, чаруса...
И терпкий запах воровства
Всходил под небеса.

Я ей шептал: «Молчи! молчи,
Проклятая Сафо!»
И я рыдал над ней в ночи,
Как старенький Тифон...

И я бросал дрова колоть,
Впадал то в бред, то в сон
И по ночам в речную плоть
Входил, как Иксион.

Качались в небе тучи лжи,
Рассвет глядел с тоской.
И я не знал, как надо жить
С тобою и с рекой.

Я нёс тебе боровики,
Я боль сгибал в дугу.
Но ты бледнела у реки,
На красном берегу.

И там, у старого моста,
Всё круче и длинней,
Бросала камни в омута,
Чтоб было побольней.

Ты знала, сердцу вопреки,
Что не горит асбест,
И то, что не было реки
На карте этих мест.

Ты знала, как коварен спирт,
И путь через тайгу,
И как родимый дом горит
На красном берегу.

4.

Столетия стыли в тальнике,
На них была печать.
Я плыл к рассвету по реке
С желанием кричать.

На холмах лет лежала мгла
С обманутой луной.
Река могла и не могла
Расправиться со мной.

Я плыл рекой, как рыболов,
Пугая ночь веслом.
Но я и сам в речной улов
Попался, словно сом.

И снова окрик: «Не гляди!
Глаза твои горьки!»
И крест, сиявший на груди,
Упал на дно Реки.

Кричала милая: «Постой!»
Но крик летел вовне.
Я в темноте искал постой,
Как Лев Толстой во мне.

Я приникал к Реке душой,
Снимая боль и гнёт.
И жизнь моя была большой,
Но тонкой, словно лёд.

Вокруг качались топляки,
Репьи молились тле,
И шутовские колпаки
Гуляли по земле.

Качалась, плакала вода,
Кипела рыбой сеть.
И я взглянул тогда туда,
Куда нельзя смотреть.

Часть 2 **БЕЛАЯ ЛОДКА И ЖЕНЩИНА В НЕЙ**

1.

Мыши играют в соломе,
Ворон столетья клюёт.
В старом потерянном доме
Добрый Емеля живёт.
Издавна светлый и нежный,
Пьёт он плохое винцо.
Будто бы камень прибрежный,
Мхом обрастает лицо.
Выйдет на улицу пьяный,
Встанет на старенький ял.
Слушает воздух туманный,
Падает там, где стоял.
Давнему мороку внемля,
Падает в пыль и гнильё.
Пальцы царапают землю,
Ноги врастают в неё.
Тут бы тебе и могила,
В этой туманной бели...
Только какая-то сила
Вырвет его из земли.
Вытянет тело по ветру
И, обогнув топляки,
Словно вечернюю жертву,
Бросит на берег Реки.

2.

Белых порогов изгибы,
Вечный фонарик в руке...
Все его годы, как рыбы,
Плавают в этой реке.

Знаки, приметы и связи
Спутались, словно в бреду.
Встанет Емеля из грязи,
«Господи! – скажет. – Иду!»
В реку войдёт осторожно,
«Господи! – скажет. – Держись!»
Долго, с тоской острожной,
Смотрит в прошедшую жизнь.
В темень уходит глазами,
Дышит постылой виной:
«Я не пойму и не знаю,
Что происходит со мной.
Кончился срок водопольный,
Цапля сидит на гнезде.
Что же я, словно запольный,
Кланяюсь чёрной воде?
Вместе с форелью в улове,
С оводом в тёмной молве
Лодку держу наготове,
Словно стрелу в тетиве.
Есть ещё брага в стакане,
Смыты дождями следы.
Сколько же можно в тумане
Ждать неизбежной беды?
Может быть, путает лемба,
В омут ведут упыри...»
Голос послышится с неба:
«Лучше на Реку смотри!
Жди сокровенного срока,
Душу открой на испод.
В сердце твоё от истока
Женщина в лодке плывёт!»

3.

В брызгах весенней капли,
Канув в ночной глубине,
Смотрит на реку Емеля,
Будто бы залубенев.
Пахнет золой и солодкой,
Шерстью убитой Муму...
Каждое облако лодкой
Видится снова ему.
В кружеве пены и сала,
Бросив на отмель пальто,
Шепчет Емеля устало:
«Что это, Господи, что?»
Входит он в реку по пояс,
В лунные брызги и дым...
Цапля взлетает, как совесть,
Кружит и кружит над ним.
Светятся Дева и Овен,
Вечность стоит за плечом.
«Господи! Я не виновен!
Я не виновен ни в чём!
Ведомо Шиве и Сиве,
Всадникам звёздных коней:
Не было лодки на сливе,
Не было женщины в ней!
Что это? Сны или сети?
Кто награждает виной?

С кем это было на свете
Так, будто было со мной?»
Только ещё сиротливей
Станет Емеле видней
Белая лодка на сливе,
Чёрная льдина под ней.
Словно дыхание Бога,
В сердце ударит засим
Грохот речного порога,
Рёв водопада за ним.
«Путаник! – крикнет сорока. –
Было с тобой искони!»
Вздрагнет камыш и осока,
Бездна расступится – и...

4.

Марево будто бы морфий,
Кольца удава крепки.
Скалами Крофи и Морфи
Стиснуто русло Реки.
Смотрят жрецы и друиды,
Как у китайской скалы
Слёзы богини Исиды
Падают с русской ветлы.
Мифы завязаны в узел
И, в окружении фей,
Грудь и лицо Аретузы
Гладит волнами Алфей.
А на холмах Эридана,
Над отречённой тоской,
Нимфу Мензолу Диана
Делает горной рекой.
Полнится мукой и стоном
Давних замесов земля,
Где гелиады Тифоном
Превращены в тополя.
И на коленях у фавна,
В брызгах небесной свечи,
Плачет княжна Ярославна,
Меч обнажая в ночи.
А над пустыней Псалтыри,
Между святилищ и рун,
Мечутся Феникс и Сирин,
Падает в воду Перун.
Плещется красная рыба,
Утка кричит в камыше...
Всё, что ушло и погибло,
Вновь оживает в душе.
Вечность не знает урона.
Видишь? – гуляя по дну,
Мёртвая дочь фараона
Кормит собачку Муму.
А за холмом, за лесами,
Дальше, кругом и везде,
Словно круги под глазами,
Тают круги на воде.
Выйдет мальчонка из ночи,
Маленький, мокрый, седой:
«Что же ты, миленький отче,
Споришь с протёкшей водой?»

Злой, как еловая лапа,
Что ты закрылся плечом?
Мы теперь ангелы, папа,
Ты не виновен ни в чём!
Что ты копаешься в иле,
Раки там да караси...
Все мы кого-то топили,
Что же ты плачешь, еси?
Сядем сейчас у камина
И у святого огня
Вылепим из пластилина
Маму, тебя и меня».

5.

Выйдет Емеля на берег,
Сына на руки возьмёт,
Словно ликующий Беринг,
К дому родному пойдёт.
Свечи зажжёт и лампадку,
В кухне найдёт леденец.
Сделает сыну рогатку,
Слепит людей и овец.
Будет играть до рассвета
Сын на коленях отца,
Тени бывшего навета
Тихо уйдут от крыльца.
Вздвогнут затоны осота,
Спрячется в тучи луна.
Женщина всхлипнет на фото,
Словно живая она.
Жизнь повторится сначала,
Тучи умчатся с лица.
Нет этим тайнам начала,
Нет этим тайнам конца.
Печка, свеча и полати,
Космос за правым плечом...
«Мы теперь ангелы, батя,
Ты не виновен ни в чём!»

6.

Молча взирая на Бога,
Снова проснуться боясь,
Выпьет Емеля немного,
Скажет, над сыном клонясь:
«Почки набухли на сливе,
Светятся искры ветвей...
Не было лодки на сливе,
Не было Аннушки в ней!
Господи! Строго и чутко
Сплю я от веку в ночи...
Видимо, это анчутка
Голосом милой кричит...»
И не узнает Емеля,
Нечет увидев как чёт,
Что в заколдованной бели
Белая лодка плывёт.